

Научная статья

УДК/UDC 343.85

DOI: 10.21779/2224-0241-2022-41-1-121-125

К вопросу о добровольном отказе от совершения преступления**Р. М. Акутаев¹, С. А. Марданова²**^{1, 2} Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Российская Федерация¹ akutaevrm@mail.ru² aysel-a-92@mail.ru

Аннотация. На основе анализа действующего уголовного законодательства в статье рассматривается ряд вопросов, касающихся института добровольного отказа от совершения преступления. Характеризуются два основных признака, определяющих добровольный отказ от преступления – добровольность и окончательность.

В порядке постановки проблемы авторы обращают внимание на то, что положения отдельных норм Особенной части УК РФ, предусматривающие освобождение от уголовной ответственности лица в случае, если оно добровольно освободило похищенного или заложника и если в его действиях не содержится иного состава преступления, с известной долей условности могут рассматриваться как специальные нормы по отношению к добровольному отказу от совершения преступления (общая норма). При наличии принципиального различия между ними, связанного с совершением или отсутствием преступления как такового, их роднит то, что в обоих случаях лица не допускают наступление общественно опасных последствий своих действий. Причем, действуют добровольно.

В статье также содержится авторская позиция по дискуссионному вопросу о возможности добровольного отказа от совершения преступления при оконченном покушении на преступление.

Ключевые слова: добровольный отказ от совершения преступления, покушение на преступление, оконченное покушение, контроль над развитием причинной связи

Для цитирования: Акутаев Р. М., Марданова С. А. К вопросу о добровольном отказе от совершения преступления // Юридический вестник ДГУ. 2022. Т. 41, № 1. С. 121–125. DOI: 10.21779/2224-0241-2022-41-1-121-125

Original article

On the issue of voluntary refusal to commit a crime**Rasul M. Akutaev¹, Saryakhanum A. Mardanova²**^{1, 2} Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation¹ akutaevrm@mail.ru² aysel-a-92@mail.ru

Abstract. Based on the analysis of the current criminal legislation, the article discusses a number of issues related to the institution of voluntary refusal to commit a crime. There are two main characteristics that define voluntary renunciation of a crime – voluntariness and finality.

In order to pose the problem, the authors draw attention to the fact that the provisions of certain norms of the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, providing for the exemption from criminal liability of a person if he voluntarily released a kidnapped or hostage and if his actions do not contain any other corpus delicti, with a certain degree of conditionality can be considered as special norms in relation to voluntary refusal to commit a crime (general norm). If there is a fundamental difference between them related to the commission or absence of a crime as such, they are related by the fact that in both cases persons do not allow the onset of socially dangerous consequences of their actions. Moreover, they act voluntarily.

The article also contains the author's position on the debatable issue of the possibility of voluntary refusal to commit a crime when an attempt on a crime is completed.

Keywords: voluntary refusal to commit a crime, attempted crime, completed attempt, control over the development of a causal relationship

For citation: Akutaev R. M., Mardanova S. A. On the issue of voluntary refusal to commit a crime. *Yuridicheskii vestnik DGU = Law Herald of DSU*, 2022, vol. 41, no. 1, pp. 121–125. DOI: 10.21779/2224-0241-2022-41-1-121-125 (In Russ.).

В процессе возникновения, обнаружения и реализации умысла на совершение преступления могут возникнуть разного рода обстоятельства, в силу которых лицо, намеревавшееся его совершить, а порой и приступившее к его совершению, осознавая при этом возможность доведения преступления до логического конца, добровольно отказывается от этого. В действующем уголовном законодательстве такого рода ситуации закреплены в институте добровольного отказа от совершения преступления (ст. 31 УК РФ), который по общему правилу не влечет уголовную ответственность. Исключения составляют случаи, когда в фактически совершенном лицом деянии содержится иной состав преступления (ч. 3 ст. 31 УК).

Следует отметить, что в исследованиях по уголовному праву и криминологии добровольный отказ от совершения преступления среди прочих научных воззрений о нем рассматривался и в роли проявления уголовно-правового компромисса, под которым авторы понимают «стремление законодателя заинтересовать одних граждан в активном участии в борьбе с преступностью, других – побудить к добровольному отказу от преступления, а тех, кто уже совершил преступление, к сотрудничеству с органами уголовной юстиции в обмен на их безусловное освобождение от уголовной ответственности или возможность такого освобождения, либо фиксированное наказание» [1, с. 45; 2, с. 37]. Все это может быть востребовано и в качестве своеобразной «прививочной» меры борьбы с преступностью, а также постпенитенциарной профилактики преступлений, что лишний раз свидетельствует о серьезности института добровольного отказа от преступления не только и не столько в его уголовно-правовом, сколько в криминологическом аспекте.

В уголовно-правовом плане добровольный отказ от преступления предоставляет лицу возможность своевременно одумать и отказаться от совершения преступления и, тем самым, избежать уголовной ответственности, не подвергаться мерам уголовно-правового воздействия, которые могли бы быть применены, если бы задуманное лицом было реализовано, преступление состоялось.

Кроме того, добровольный отказ от преступления не влечет за собой и такое правовое последствие совершения преступления, как судимость. А это уже было бы чревато не только уголовно-правовыми последствиями для лица, который не отказал себе «в удовольствии» совершить преступление и в дальнейшем был изобличен в этом, но и рядом общегражданских последствий, в частности, запретом замещения некоторых должностей, лишением пассивного избирательного права при желании быть избранным на ряд выборных должностей и т.д.

Добровольный отказ от совершения преступления, рассматриваемый как самостоятельная уго-

ловно-правовая норма, есть не что иное, как нормативный стимул, которая предоставляет лицу чуть ли не последний шанс не совершать преступление и, тем самым, избежать возможных ограничений его прав и свобод, которые могут быть исполнены при совершении преступления и при реализации в отношении него уголовно-правовых мер воздействия. В известном смысле (с отдельными существенными исключениями) добровольный отказ от совершения преступления может быть рассмотрен в качестве общей уголовно-правовой нормы по отношению к тем из них, предусмотренных нормами Особенной части УК РФ, которые при наличии определенных условий предусматривают освобождение от уголовной ответственности за совершение конкретного вида преступления (ст. 126, 206 и др.). Поясним эту мысль.

Нас могут заподозрить в том, что мы не видим принципиальной разницы между нормами о добровольном отказе и деятельном раскаянии, поскольку добровольный отказ от преступления возможен лишь до его совершения, а деятельное раскаяние – после. Но дело в том, что нормы-стимулы, предусматривающие освобождение от уголовной ответственности при совершении определенного вида преступления (разумеется, при отсутствии состава иного преступления) по своему содержанию и последствиям имеют много общего именно с добровольным отказом от совершения преступления, чем с деятельным раскаянием. Главное из них – недопущение наступления общественно опасных последствий как неоконченного, еще не совершенного преступления, так и уже исполненного преступления.

Освобождение от уголовной ответственности при деятельном раскаянии, которое, как известно, относится к дискреционным полномочиям компетентных органов, обременено рядом условий, предусмотренных ст. 75 УК РФ. Это – совершение преступления впервые, причем преступление должно быть лишь небольшой или средней тяжести, должно состояться само деятельное раскаяние, предполагающее возмещение причиненного ущерба или иным образом заглаживание вреда, и выполнение некоторых других условий. При всем при том остается неясным отношение потерпевшего и его окружения к деятельному раскаянию. Нельзя исключать наличие всех правовых условий деятельного раскаяния при одновременном отказе потерпевшего (либо одного из них) от освобождения виновного от уголовной ответственности.

С известное долей условности можно утверждать, что лишь пресловутое «до и после» совершения преступления отличает добровольный отказ от совершения преступления от норм-стимулов, ведущих к освобождению от уголовной ответственности, предусмотренных статьями Особенной части УК РФ. В остальном же они (особенно если рассматривать с точки зрения возможных послед-

ствий) идентичны. Тем самым законодатель при совершении определенного вида преступлений оставляет лицам шанс одуматься и вернуть все в первоначальное положение, избавить и себя, и окружающих лиц от опасного состояния, вызванного преступно-опрометчивыми, как свидетельствуют последующие события, действиями нарушителя.

Справедливости ради надо отметить, что добровольный отказ от уже совершенного преступления, предусмотренный рядом статей Особенной части УК, невозможен без определенного раскаяния в содеянном. Во всех аналогичных случаях эти нормы взаимодополняют друг друга. Однако раскаяние при добровольном отказе от уже совершенного преступления не тождественно тому деятельному раскаянию и тем условиям, которые определены в ст. 75 УК РФ. В этой связи полагаем, что нормы-стимулы об освобождении от уголовной ответственности при уже совершенных преступлениях, имея много общего с нормой о добровольном отказе от совершенного преступления, в известной мере могут рассматриваться как отношение специальных норм к общей норме.

В криминологическом плане добровольный отказ от совершения преступления имеет важное предупредительно-профилактическое значение. По существу, он проявляется именно в этом качестве, в чем заключено предназначение этого института. Этого его качества нельзя умалять, поскольку, если судить по тем задачам, которые определены Уголовным кодексом Российской Федерации, то одна из главных из них, как предписано в ч. 1 ст. 2 УК РФ, – предупреждение преступлений. Впрочем, аналогичная задача, но в более широком масштабе, с привлечением всех здоровых сил общества, государственных органов и общественных организаций стоит и перед криминологией – борьба с преступностью и, прежде всего, ее предупреждение, координация усилий всех субъектов, противодействующих этому негативному социальному явлению.

С учетом своей целевой направленности и предназначения нормы уголовного закона о добровольном отказе от совершения преступления реально применимы лишь при неоконченном преступлении – приготовлении либо покушении на совершение преступления. Этим можно объяснить тот факт, что норма о добровольном отказе от совершения преступления помещена в главу 6 УК РФ «Неоконченное преступление» [3, с. 43].

Сравнительная оценка нынешнего законодательства о добровольном отказе от совершения преступления с ранее действовавшим свидетельствует о произошедших значительных изменениях. В УК РСФСР 1960 г. этот институт включал лишь одну часть, в то время как ст. 31 УК РФ 1996 г., предусматривающая добровольный отказ от совершения преступления, включает пять частей, которые содержат наиболее существенные условия данного института.

Согласно ч. 1 ст. 31 УК РФ под добровольным отказом от преступления признается прекращение лицом приготовления к преступлению либо прекращение действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца.

В работах отечественных специалистов, посвященных добровольному отказу от совершения преступления, можно найти множество конкретных определений искомого института. Справедливости ради, отметим, что все они, в конечном счете, сводятся к указанию на два основных, законодательно обозначенных признака добровольного отказа от преступления, непосредственно вытекающих из содержания уголовно-правовой нормы и характеризующих его суть, – добровольность и окончательность отказа от преступления при осознании реальной возможности довести преступление до конца.

Первый из этих признаков означает, что лицо, проявляя добрую волю и осознавая возможность доведения преступления до конца, все же отказывается от своего намерения. Причем неважно, принято это решение лицом самостоятельно или под чьим-то посторонним влиянием, включая возникший у потенциального преступника страх его возможного последующего (после совершения преступления) разоблачения и наказания* [4, с. 13]. Окончательность же добровольного отказа от совершения преступления означает, что лицо не переносит до лучших времен совершение намеченного преступления (скажем, в районе предполагаемого совершения преступления объявлен режим контртеррористической операции, и лицо решило переждать, дожидаться отмены этого режима), а раз и навсегда отказывается от реализации задуманного.

Прежде всего, отказаться от совершения преступления возможно лишь на стадии приготовления к преступлению и на стадии исполнения состава преступления, но до момента наступления общественно опасных последствий. Законодатель весьма четко и определенно сформулировал добровольный отказ от преступления, как прекращение лицом «приготовления к преступлению» или «действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления» (ч. 1 ст. 31 УК). Слово-сочетание «приготовление к преступлению» следует понимать не как вид неоконченного деяния, то есть прерванного по не зависящим от лица обстоятельствам, при котором добровольный отказ уже невозможен, а как этап совершения преступления, соответствующую стадию реализации умысла. После наступления общественно опасных последствий добровольный отказ невозможен, а возможно деятельное раскаяние. Однако в отдельных случаях

* В этом плане Н.В. Лясс справедливо полагал, что «добровольный отказ – это окончательный отказ лица от преступления по собственной воле в силу влияния любых мотивов».

с учетом конкретных обстоятельств дела законодатель сохраняет возможность добровольного отказа от продолжения преступной деятельности, что направлено на то, чтобы не причинять вреда лицам, оказавшимся, скажем, в плену у похитителя или взятых в заложники.

Примером добровольного отказа от доведения преступления до конца может служить следующая фабула дела.

Так, суд обоснованно установил в действиях осужденных К., Б., Ц. и Г. добровольный отказ от совершения преступления, учитывая добровольное прекращение ими действий, непосредственно направленных на совершение преступного деяния, при осознании возможности доведения его до конца. Из материалов дела следует, что продавец С. выставила на прилавок несколько бутылок пива, Б. начал ругаться с ней. В это время Ц., увидев, что другой продавец С., напуганная действиями Б., достала пульт экстренного вызова милиции, сообщил об этом Г. и Б., после чего они втроем выбежали из магазина на улицу и на автомобиле, в котором их ожидал К., уехали. При этом каких-либо конкретных действий, непосредственно направленных на хищение имущества, совершенных с насилием или угрозой применения насилия к продавцу С., что свидетельствовало бы об окончании разбойного нападения, не установлено [5].

Добровольный отказ может быть выражен как в активном действии, так и в пассивном бездействии. Это зависит от того, на какой стадии он осуществляется, и от характера совершаемого преступления.

Добровольный отказ от совершения преступления всегда может иметь место при приготовлении к совершению преступления и при неоконченном покушении на преступление. Вопрос о возможности добровольного отказа от совершения преступления при оконченном покушении решается в зависимости от того, сохраняется ли у лица возможность контролировать дальнейшее развитие причинной связи между оконченным покушением и реальным наступлением общественно опасных последствий своих действий (бездействия). Например, лицо присваивает вверенное ему имущество, имея возможность распорядиться им по своему усмотрению, однако через некоторое время передумывает и возвращает вверенное имущество на прежнее место. Или, скажем, намереваясь совершить угон машины, отъезжает на ней метров 5–10,

а затем отказывается от своего намерения, возвращая все на круги своя.

Совершенно иначе следует относиться к случаям, когда у лица, совершившего оконченное покушение, не сохраняется возможность контролировать дальнейшее развитие причинной связи между его действием (бездействием), оцениваемым как оконченное покушение, и желаемым результатом этих действий (бездействия). В этом плане мы солидарны с позицией профессора А.В. Наумова о том, что не будет добровольный отказ от совершения преступления у лица, которое в целях отравления дало потерпевшему смертельную дозу яда, но затем активно противодействовало наступлению преступного результата (скажем, дало противоядие) [6, с. 283]. В этих условиях покушавшееся лицо не сохраняет возможность контролировать дальнейшее развитие событий между своим действием (отравлением) и наступлением последствий, поскольку в этих условиях наступление или не наступление преступного результата не зависит только от действия противоядия, но и от целого ряда иных обстоятельств. События последнего времени, связанные с распространением COVID-19, красноречиво свидетельствуют и убеждают нас в том, насколько различна реакция организма человека на один и тот же вирус. В некоторых случаях даже предварительная вакцинация (своего рода превентивный прием противоядия) не спасает лицо от заражения.

Определяя уголовно-правовую оценку содеянному, важно исходить из того, что уголовный закон позволяет признать добровольный отказ лишь в отношении того деяния, на совершение которого был направлен умысел этого лица. В тех возможных обстоятельствах, когда в выполненных лицом действиях обнаруживаются признаки иного состава преступления (оконченного или неоконченного), положение ч. 3 ст. 31 УК предписывает, что такое лицо подлежит уголовной ответственности только за эти действия.

Изложенное приводит к выводу о том, что установление признаков добровольности и окончательного отказа от неоконченного преступления в каждом конкретном случае должно основываться на полном и всестороннем исследовании всех обстоятельств содеянного. Только проанализировав в совокупности все обстоятельства дела, можно принять решение об освобождении лица от уголовной ответственности в связи с добровольным отказом от преступления.

Список источников

1. Аликперов Х.Д., Зейналов М.А. Компромисс в борьбе с преступностью: пособие для прокуроров. М., 1999.
2. Гамалей А.А., Муסיнова М.А. Компромиссные нормы в праве: общие характеристики и возможности использования // Российский следователь. 2020. № 8.
3. Караулов В.Ф. Стадии совершения преступления. М., 1982.
4. Лясс Н.В. Понятие и основание наказуемости приготовления и покушения. Л., 1956.

5. Кассационное определение Верховного Суда Рос. Федерации от 18 сент. 2012 г. № 49-О12-53. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. М.: Изд-во БЕК, 1996.

References

1. *Alikperov Kh.D., Zeinalov M.A.* Kompromiss v bor'be s prestupnost'yu: posobie dlya prokurorov [Compromise in the fight against crime: a handbook for prosecutors]. Moscow, 1999.
2. *Gamalei A.A., Musinova M.A.* Kompromissnye normy v prave: obshchie kharakteristiki i vozmozhnosti ispol'zovaniya [Compromise norms in law: general characteristics and possibilities of use], *Rossiiskii sledovatel' [Russian investigator]*, 2020, no. 8.
3. *Karaulov V.F.* Stadii soversheniya prestupleniya [Stages of committing a crime]. Moscow, 1982.
4. *Lyass N.V.* Ponyatie i osnovanie nakazuemosti prigotovleniya i pokusheniya [The concept and basis of the punishability of preparation and attempt]. Leningrad, 1956.
5. Kassatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda Ros. Federatsii ot 18 sent. 2012 g. No 49-O12-53 [Cassation determination of the Supreme Court of Russia. Federation of September 18, 2012 No. 49-O 12-53]. Access from the ConsultantPlus legal reference system.
6. *Naumov A.V.* Rossiiskoe ugovnoe pravo. Obshchaya chast': kurs lektsii [Russian criminal law. The general part. Course of lectures]. Moscow, BEK Publ., 1996.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Акутаев Расул Магомедович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии юридического института Дагестанского государственного университета, г. Махачкала, Российская Федерация. *E-mail: akutaevrm@mail.ru*

Марданова Сарыханум Алибалаевна, магистрант, кафедра уголовного права и криминологии, ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», юридический институт, г. Махачкала, Российская Федерация. *E-mail: aysel-a-92@mail.ru*

Поступила в редакцию 28.12.2021 г.; одобрена после рецензирования 11.02.2022 г.; принята к публикации 14.02.2022 г.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Akutaev Rasul Magomedovich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology of the Law Institute of Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation. *E-mail: akutaevrm@mail.ru*

Mardanova Saryakhanum Alibalaevna, Master's student, Department of Criminal Law and Criminology, Dagestan State University, Law Institute, Makhachkala, Russian Federation. *E-mail: aysel-a-92@mail.ru*

Received 28.12.2021; approved after reviewing 11.02.2022; accepted for publication 14.02.2022.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.